***

Мой огород – Венеция моя:
Межи, налитые по самые края,
Набухший влагой драгоценный перегной,
Дух водяной витает предо мной.
И птичий дух травы, и листьев юных мчит.
Напарник мой копает и молчит.
И что сказать! Венеция... Весна...
Далёкой юности два слова или сна.
И жизнь, и смерть – всё зыбится в туман.
И лишь Венеция – не призрак, не обман.
И солнце сквозь туман до самого до дна.
И нимбом золотым под солнцем седина.

***

Существ ползучих третий глаз –
Слепой улавливатель лета,
Жары, пронзительного света,
Пока свет белый не угас.

Пока есть шансы на тепло,
Сил не щадя, в изнеможении
Заботиться о размножении –
Не знаю, благо или зло.

Земли Создатель дал приказ,
Чтобы слепой тут был правитель,
Не третий лишний, а даритель,
Регулировщик жизни – глаз.

А человеку что ж? – Уныние?
Средь поисков, ошибок, проб
Я свой ощупываю лоб.
Нет глаза третьего в помине.

Жар радостный любви, тепло
Вслепую, но безмерно чутко
Ловить – наверное, не шутка –
И чуять свет, пока светло.

***

Незабытая Людка отдыхает на юге,
Купается в море абхазским утром.
А здесь, на Урале, тополиные вьюги.
И мать вчера запретила компьютер.

Друзья зовут на далёкий берег,
Но отвечаешь: «Не больно-то надо
На озеро ездить». Сломался велик,
Надо детали, но нету денег.
Да, и вообще – не друзья, а банда.

На работе – траблы, совок, метёлка,
Учит цветы любить баба Маша.
После полудня – базар, кошёлка,
Снова траблы, снова мамаша.

В дырявых мокрых штиблетах
Маршируешь, как робот.
Четырнадцать лет. Очень скучное лето.
Ищешь счастье – находишь опыт.

***

По дорогам безлюдным воскресным –
К небесам, по местам неизвестным,

От корней по стволам задубелым –
К облакам, серебристым и белым, –

Поднимаются души на суд
И грехи за плечами несут.

Кто устал, кто свернул до вершины –
Приютили развилин морщины.

А живой подойдёт – и услышит:
Под корой души стонут и дышат.

Просят путь указать им до неба,
Или, может, пристроиться где бы.

– Может, станем древесною сутью?
И толпятся, стоят на распутье.

Небо, дерево, птица

1.
Расширяется неба зрачок,
Поглощает земную тень,
Ловит время сеткой-сачком,
Сберегает на завтрашний день.
И вбирает озёрную ширь,
Обрывая закатную нить,
Поглощает сегодняшний мир,
Чтобы в целости всё сохранить.

2.
Расправила белые крылья
Птица лесной тишины
Над озером, где мы плыли,
Над скалами в блёстках луны.
Прислушайся – дерево верба
Ни слова не говорит.
И близко огромное небо
За ветками молча стоит.

3.
Странная птица – или преломление света,
Или с того света летучая весть,
Или просто клочок летает газеты,
Где известия с нашего света,
Какие на сегодняшний вечер на свете есть.
Одинокому дереву грустно от наших известий,
Милосердное небо заслоняет его собой,
Чтобы не ведало дерево ни злобы людской,
ни мести,
Чтобы только свет был вокруг
Сиренево-голубой.

4.
Лесная птица в суматохе:
Летать деревьям – это же нелепо!
Но, без внимания на птичьи охи,
Пред взлётом дерево застыло слепо.
Дыханье затаив, с мечтою странной,
За дело принимаясь будто с пылом-жаром,
Всей плотью рвётся деревянной,
Вздымаясь кроной, как воздушным шаром.

***
Снега упала завеса,
Словно невесты фата.
Под куполом неба и леса
Немыслимая красота.
Забудутся грязи потоки
И вязкая глина дорог,
Любимых слепые упрёки,
Неверия скучный урок.
И будто бы вновь на пороге
Любви. И внезапно с куста
Срываются птицы. Как строки
На белые снеги листа.

***
Льётся дождь, льётся вновь, окаянный,
Словно школьный этюд фортепьянный.

Погружаешься волей-неволей
В непрерывный шорох триолей:

Ми-миракулум, до-доминус,
Вот и солнца соль проявилась.

Это вольность мелодии, шалость:
Свет, вода – всё внезапно смешалось

В завершающие аккорды,
В ритм пунктирный стремительной коды

Под молочной, под облачной сенью
В монастырских садах воскресенья.

Оглушён тишиной мокрый ирис.
Взгляды капель наверх устремились,

И всему-то – до малого листика –
Донеслось, что в молчании истина.

И безмолвием утвердилось:
Да, миракулум, да – Доминус!

В умиленье от божьего дива,
Замирая, заплакала ива,

Неприкаянный, неосторожный
Одинокий куст придорожный.

***
– Пойдём гулять! –
Сказал нам зять, –
– А то дела всё, твою мать,
А за деревней благодать!
Детей мы уложили спать,
И – в лес, поля, луга – шагать.

Кузнечиков умолкнул хор,
Над нами тёмный небосвод,
У нас душевный разговор
Про старину и весь наш род,
И про детей, и огород,
И про отсутствие свобод.

В полях прохлада, тишина
И ночь, но жизнь – она слышна:
Гудок ж/д и птицы взлёт,
И тракторов далёкий ход.
Во всей картинной полноте
Россию чуем в темноте.